

Джузеппе Гарибальди как итальянский националист XIX столетия: к вопросу о типологии итальянского национализма

Giuseppe Garibaldi as Italian nationalist of the 19th century and the issue of typology of Italian nationalism

Панкрат Иван Алексеевич
магистрант 1 курса
исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, Москва
ipancrat99@gmail.com

Pankrat Ivan
first-year graduate student
Faculty of History
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
ipancrat99@gmail.com

Аннотация.

В исследованиях национальных движений Нового и Новейшего времени было выработано общепринятое деление национализма на «гражданский» и «этнический» типы. Вместе с этим, теоретики, занимавшиеся изучением данной темы, до сих пор не дали чёткой типологизации итальянского национализма XIX – XX веков. В настоящей статье предлагается частичное разрешение данной проблемы на основе анализа литературного наследия Джузеппе Гарибальди – знаменитого героя объединения Италии, в мировоззрении которого отразились интеллектуальные тренды итальянского национального движения и «переходный» характер итальянского национализма.

Annotation

The studies of the modern-era national movements have developed generally accepted dichotomy of "civic" and "ethnic" nationalism. Nevertheless, the theorists who had studied this subject have not yet developed a clear typologization of Italian nationalism of the 19th and 20th centuries. This article offers a partial solution to this issue based on the analysis of Giuseppe Garibaldi's literary legacy. The worldview of the famous hero of Italian unification reflected the intellectual trends of the Italian national movement and the "transitional" nature of Italian nationalism.

Ключевые слова: Гарибальди, Италия, национализм, нация, Рисорджименто.

Key words: Garibaldi, Italy, nationalism, nation, Risorgimento.

В истории западного мира XIX столетие ознаменовалось кардинальными переменами во всех сферах жизни общества, связанными с процессом модернизации. Промышленный переворот и следовавшие за ним процессы секуляризации и демократизации меняли до неузнаваемости жизнедеятельность людей того времени и отрывали их от авторитетов и религиозных ценностей традиционного общества, что вынуждало индивида искать новую точку опоры в национализме – своеобразной «гражданской религии» XIX века, быстрому распространению которой способствовала также демократизация общества. Рассматривая нацию в качестве нового объекта поклонения и высшей ценности, национализм давал человеку ощущение национального превосходства и прочной духовной связи со всей нацией как с особой общностью.

Именно поэтому в XIX столетии по всей Европе произошёл расцвет многочисленных массовых национальных движений и идеологий, а в политике на повестку дня встал «принцип национальности», перекроивший карту тогдашней Европы. Менее чем за полвека, с 1830 по 1878 год, добились независимости и получили международное признание Бельгия, Греция, Сербия, Румыния и Болгария, империя Габсбургов была перестроена по дуалистическому принципу, а Германия и Италия стали едиными государствами.

В Италии процесс политического объединения страны под национально-патриотическими лозунгами, завершившийся в начале 1870-х годов и получивший название Рисорджименто, в наибольшей степени повлиял на всю её дальнейшую историю. Колониальная политика Италии и зарождение фашистского движения, «римский вопрос», региональный сепаратизм и «кампанилизм», разрыв в развитии между Севером и Югом и, наконец, само по себе существование Италии как единого независимого государства – все эти проблемы современной итальянской истории уходят своими корнями в эпоху Рисорджименто.

При изучении любого национального движения, в том числе итальянского, всегда возникает потребность охарактеризовать его в рамках определённой типологии. Согласно наиболее распространённой классификации [9, с. 27], существует два вида национализма – гражданский, при котором нация понимается как политическое объединение граждан (Франция, Великобритания, США), и этнический, когда нация во многом совпадает с этносом, а ключевыми её характеристиками выступает кровная связь на основе общности происхождения и культуры (страны Центральной и Восточной Европы, Азии и Африки). И если американский историк и философ Ханс Кон, впервые предложивший эту дихотомию, ставшую общепринятой, включал Италию в число примеров этнического национализма [8, с. 28], то его британский коллега Эрик Хобсбаум определял итальянский национализм XIX века как гражданский [20, с. 227 – 228].

Приблизиться к разрешению данной проблемы и восстановить «несколько смазанную», по выражению А.Н. Севастьянова [18, с. 225], картину типологии итальянского национализма может помочь детальное рассмотрение политических взглядов Джузеппе Гарибальди – знаменитого полководца и народного героя Италии, который наряду с революционером-мыслителем Джузеппе Мадзини и сардинским премьер-министром графом Камилло Кавуром был одним из вождей Рисорджименто.

Именно Гарибальди отчасти являлся отцом итальянского ирредентизма – националистического движения, ставившего своей целью присоединить к Италии все территории, населённые итальянцами. Некоторые сподвижники Гарибальди (например, Франческо Криспи) стали одними из идейных вдохновителей итальянского фашизма, а сами фашисты, в свою очередь, не без оснований считали «героя двух миров» своим прямым предшественником [14]. Всё это обуславливает актуальность обращения к анализу политического кредо Гарибальди в контексте итальянской национальной идеи.

Соответственно, главная цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить, в какой степени Гарибальди можно считать итальянским националистом, и какому типу национализма больше всего подходит его понимание итальянской нации и национальной идеи. При этом наиболее выгодным вариантом нам представляется исследование взглядов зрелого Гарибальди, окончательно оформившихся под влиянием всего его политического опыта национально-освободительной борьбы и нашедших отражение в его воспоминаниях, которые как бы подводили итог его активной деятельности.

Мемуары Гарибальди как исторический источник

Над созданием своей автобиографии Гарибальди работал в общей сложности более двух десятков лет – первый её вариант, доведённый до падения Римской республики, Гарибальди написал в конце 1840-х – начале 1850-х годов, после чего продолжил работу над мемуарами в 1860-х годах и окончательно завершил их летом 1872 года. Мемуары были написаны «героем двух миров» с расчётом на широкую читательскую публику – об этом свидетельствуют как судьба их первой редакции, неоднократно издававшейся в конце 1850-х – начале 1860-х годов [15, с. 424 – 425], так и наставления героя своим соотечественникам на страницах воспоминаний [4, с. 71, 117, 142]. Сам автор объяснял написание своих мемуаров тем, что всё рассказанное в них может «послужить истории», сразу откровенно обозначая при этом свою политическую пристрастность: «Я не поскупился на похвалы тем, кто пал в битвах за свободу... Если же мне приходилось говорить о тех, кто нанес мне оскорбление,

вызавшее справедливое негодование, то я старался сначала умерить свой гнев. Всем, что я написал, я особенно боролся с духовенством...» [4, с. 11].

Ориентация на широкую публику, желание увековечить заслуги своих соратников [4, с. 11 – 13], а также сам по себе характер мемуаров как источника личного происхождения – всё это стало причиной явной тенденциозности автобиографии Гарибальди, который на протяжении всего изложения стремился открыто обозначить своё политическое кредо. Так, например, все «борцы за свободу» характеризуются Гарибальди исключительно положительно, а «тираны», духовенство и некоторые либералы умеренно-монархического толка (прежде всего, Кавур и его «приспешники») описываются им в резко негативном ключе. Но вместе с этим, подобная субъективность мемуаров делает их незаменимым источником по мировоззрению и политической позиции Гарибальди, хотя позднейшее редактирование написанных ранее фрагментов, а также простота и односторонность общедемократических и патриотических взглядов автора практически не позволяют проследить их эволюцию.

С точки зрения фактографии, длительная временная протяжённость работы над мемуарами способствовала появлению неточностей в передаче по памяти некоторых биографических сведений. Так, повествуя о своей жизни в Южной Америке, Гарибальди называет себя «двадцатипятилетним корсаром» [4, с. 27], хотя на момент описываемых событий ему было уже 29 лет [16, с. 430], а также ошибочно именует Монтевидео «оплотом славного риу-грандийского народа» [4, с. 146]. Кроме того, Гарибальди мог опускать некоторые неинтересные или неудобные, с его точки зрения, моменты своей биографии. Лишь парой абзацев он описывает своё вступление в «Молодую Италию» и участие в мадзинистском заговоре 1834 года, а также период мирной жизни на острове Капрера в 1854 – 1859 годах [4, с. 21, 214]. Однако сама по себе фактографическая составляющая источника и соответствие сказанного реальности играют относительно небольшую роль при рассмотрении авторского мировоззрения.

Что же касается пригодности мемуаров Гарибальди для рассмотрения его взглядов на нацию и национальную идею, то тут сразу следует отметить, что он был, прежде всего, практиком итальянской национально-освободительной борьбы, а не её теоретиком. Гарибальди не написал ни одной работы теоретического характера (если, конечно, не считать таковыми его воззвания и прокламации) и, в отличие от известных итальянских мыслителей своего времени (Дж. Мадзини, Дж. Романьози, В. Джоберти, К. Каттанео, Дж. Дурандо, П. Манчини, Т. Мамиани делла Ровере), не занимался разработкой определения «нации» и рассуждениями на тему национального вопроса. Вряд ли Гарибальди вообще глубоко задумывался над этими теоретическими проблемами, и употребление им термина «нация» носило скорее стихийный и неосознанный характер. Тем не менее, внимательный анализ мемуаров Гарибальди позволяет выявить место национальной идеи в системе его политических приоритетов и его представления об итальянской нации и национальном вопросе, сформировавшиеся к моменту завершения работы над воспоминаниями под влиянием идей, царивших в общественном сознании и интеллектуальной жизни Италии XIX века.

Что касается настоящей статьи, то здесь для анализа будет использоваться перевод мемуаров Гарибальди на русский язык, выполненный в 1966 году В.С. Бондарчуком и Ю.А. Фридманом для публикации в книжной серии «Литературные памятники». Но поскольку любой перевод предполагает непреднамеренное искажение первоначального смысла с неточной передачей некоторых понятий исходного языка (что в особенности касается таких слов, как «народ» и «нация», смысловая граница между которыми очень тонка), то в отдельных случаях для проверки будет привлекаться оригинальный текст мемуаров [27], с переиздания которого и был осуществлён советский перевод [15, с. 425 – 426].

Историографический обзор

Все работы, в которых в хоть какой-либо мере затрагивались деятельность и мировоззрение Гарибальди в контексте итальянского национально-освободительного движения, можно разделить на три категории. Это труды по общественной мысли Италии периода Рисорджименто, теоретические исследования национализма и его истории и, наконец, статьи и монографии биографического характера, посвящённые непосредственно Гарибальди и его взглядам.

Ещё в дореволюционную эпоху в России вышло несколько биографий Гарибальди (С.М. Степняк-Кравчинский, С.Ф. Русова, А.И. Цомакион), однако все они носили популярный характер и не стремились провести анализ политических взглядов героя и дать им научную оценку [14]. Первые попытки научного осмысления идеологии Гарибальди были предприняты уже в советское время, однако при этом необходимо учитывать, что на позицию советских историков не могла не оказать большое влияние оценка деятельности Гарибальди теоретиками марксизма.

Так, знаменитые современники героя объединения Италии, Маркс и Энгельс, признавали его выдающимся революционным деятелем и талантливым военачальником [13, Т. 15, с. 67], однако осуждали его «практический подход» к разрешению итальянского вопроса, а также отмечали неустойчивость и неясность его теоретических взглядов [13, Т. 18, с. 375; Т. 29, с. 405 – 406; Т. 30, с. 137, 320, 474, 551; Т. 32, с. 494; Т. 33, с. 272]. Вслед за Марксом и Энгельсом эту точку зрения развивали итальянские марксисты (А. Грамши, Дж. Берти), указывавшие на колебания, несистематичность и бедность взглядов своего великого соотечественника [2, Т. 3, с. 203, 347 – 349; 5, с. 630 – 631, 645 – 646], а Ленин, в свою очередь, определял Гарибальди как типичного буржуазного патриота-революционера с соответствующими достоинствами и недостатками [10, с. 226].

Значительным достижением советской итальянистики стало издание в 1934 году перевода воспоминаний итальянского революционера Феличе Орсини со статьёй и комментариями Г.Б. Сандомирского. Отмечая заслуги Гарибальди в итальянском национально-освободительном движении, Сандомирский со ссылкой на классиков марксизма критикует Гарибальди за нечёткость и неустойчивость идеалов, а также за отсутствие стройной социально-политической теории, характерное для мелкобуржуазного патриота. Так, по мнению автора, республиканизм Гарибальди сочетался с преданностью Савойской монархии, а его социальный идеал был отмечен печатью крайнего и наивнейшего утопизма. Неизменной же чертой мировоззрения Гарибальди всегда оставалось стремление к объединению Италии, что даже позволяет Сандомирскому отнести героя Рисорджименто к нарождавшемуся ирредентистскому движению [17, с. 518 – 519].

Год спустя в журнале «Историк-марксист» вышла статья С.Д. Сказкина, посвящённая роли Кавура в объединении Италии и вообще социально-экономическому и политическому развитию страны в период деятельности пьемонтского премьер-министра. По поводу взглядов Гарибальди Сказкин также отмечал, что тот не был теоретиком, не имел за собой определённой политической программы и колебался между либерализмом, республиканским радикализмом и социализмом. Вместе с этим, будучи мелкобуржуазным патриотом середины XIX века, Гарибальди являлся сторонником объединения Италии путём революции «снизу», а также выступал в защиту «принципа национальности», что позволяло ему привлекать в свои отряды добровольцев со всей Европы, боровшихся за независимость своих наций [19].

В Советском Союзе дважды, в 1939 и 1957 годах, в серии ЖЗЛ издавалась биография Гарибальди за авторством А.Я. Лурье. Несмотря на просматривающуюся работу автора со множеством оригинальных источников и публикаций, главной чертой книги всё же был её популярный характер, чем и обуславливалась концентрация Лурье на положительных, с точки зрения советской идеологии, сторонах мировоззрения Гарибальди – его революционно-демократических, республиканских и пацифистских идеалах, внимании к вопросам классовой борьбы и социальной справедливости, а также верной оценке, которую тот дал Парижской

Коммуне и I Интернационалу. Отмечая, вслед за Г.Б. Сандомирским и С.Д. Сказкиным, ограниченный мелкобуржуазный патриотизм Гарибальди, Лурье говорит об эволюции взглядов героя в 1860-х – 1870-х годах – если до завершения Рисорджименто Гарибальди подчинял все свои цели борьбе за единство Италии, то после достижения этой задачи он увидел, что новое итальянское государство было далеко от его идеальных представлений, что заставило его сосредоточиться на размышлениях о насущных проблемах итальянского общества [11].

В советской историографии Рисорджименто первой и единственной попыткой дать обобщающий анализ всей системы взглядов Гарибальди стала статья К.Э. Кировой, написанная в 1957 году. Исследуя мировоззрение Гарибальди с точки зрения его соответствия марксистской идеологии и признавая вслед за А.Я. Лурье эволюцию взглядов Гарибальди после 1860-х годов, автор приходит к выводу, что гарибальдийская идеология была идеологией национально-освободительной борьбы, итальянского единства и братства народов, а народные массы и их интересы выступали для Гарибальди наивысшей ценностью. Вместе с этим, взглядам Гарибальди, сформировавшимся под влиянием европейской демократической мысли 1830-х годов, была свойственна непоследовательность, а также непонимание и боязнь классовой борьбы [7].

Для советского перевода мемуаров Гарибальди, изданных в 1966 году, В.Е. Невлером была написана биографическая статья о Гарибальди и его эпохе [15], касавшаяся также вопроса о связях героя Рисорджименто с Россией и русской интеллигенцией. В данном случае автор повторил и обобщил сложившуюся в советской историографии двойственную позицию по поводу политического мировоззрения Гарибальди: выдающийся буржуазный революционер, демократ и республиканец, неутомимый борец за всеобщий мир и свободу Италии был, наряду с этим, непоследовательным политиком, не имевшим ясной социальной программы и не постигшим марксистского понимания классовой борьбы.

Таким образом, исследователи советского периода рассматривали взгляды Гарибальди исключительно с позиции их соответствия марксистской идеологии и с точки зрения подхода к Гарибальди как к выдающемуся, но непоследовательному мелкобуржуазному революционеру-патриоту XIX века. Признавая Гарибальди лидером национально-освободительного движения, советские авторы не стремились дать оценку его представлениям об итальянской нации и национальной идее и встроить взгляды Гарибальди в контекст истории национализма, что было связано с негативным отношением к данному феномену и понятию в советской традиции [9, с. 10].

Наконец, уже в постсоветское время была издана статья О.В. Муромцевой, в которой была предпринята попытка восстановить целостную картину взглядов Гарибальди на основе его писем, прокламаций и, в меньшей степени, личных воспоминаний [14]. В отличие от советских исследователей, Муромцева утверждает о наличии у Гарибальди четкой и последовательной программы, которая подчинялась священной цели объединения Италии и сводилась к неприятию любых форм деспотизма и политических раздоров, республиканскому идеалу с теорией временной республиканской диктатуры и осуждением буржуазного парламентаризма, а также к стремлению к свободе, всеобщему миру и братству народов.

Кроме этого, в первой половине 2000-х годов были выпущены две статьи за авторством выдающихся отечественных историков-итальянистов, В.С. Бондарчука и З.П. Яхимович, ставшие во многом обобщением достижений зарубежной историографии по рассматриваемой проблематике и посвященные, соответственно, истории итальянской национальной идеи в Новое время и национальному фактору в итальянской общественно-политической мысли первой половины XIX века [3, 24]. Но поскольку Гарибальди не оставил после себя теоретических работ, где затрагивал бы проблемы итальянской нации и национальной идеи, то в данных статьях его взгляды на национальную проблематику ни разу не рассматриваются.

Помимо всего прочего, в контексте вопроса об итальянском национальном движении и его типологии стоит также упомянуть работы, посвящённые теории и практике национализма XIX – XX веков. Основоположником изучения феноменов нации и национализма с исторической точки зрения стал американский историк Ханс Кон, издавший в 1944 году работу «Идея национализма» (наиболее важные фрагменты этого исследования были несколько раз опубликованы на русском языке). Согласно Кону, национализм как политическое движение появился как минимум во второй половине XVIII века, а предпосылками для его зарождения были появление идеи народного суверенитета, секуляризация и подрыв традиционализма. При этом слабость буржуазии в некоторых странах стала причиной выделения «восточного», этнического и иррационального типа национализма (как уже упоминалось, Кон относил к этому типу и Италию), который, в отличие от «западного», сосредоточился на вопросах культуры (национальная литература, фольклор, язык, история) [8].

Несмотря на условность дихотомии гражданского и этнического национализма, именно она получила наибольшее распространение в исследованиях по истории национализма, и каждый автор в той или иной степени вынужден был отталкиваться от предложенной Коном парадигмы, даже не будучи с ней согласным [9, с. 27, 118]. Кроме этого, Кон стал также основоположником модернистского и конструктивистского подхода к феномену нации, к которому принадлежат самые известные западные теоретики национализма (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, Э. Геллнер, отчасти Э. Смит) и который утверждает, что предпосылкой появления нации и националистических движений стало не столько этническое развитие, сколько переход к современному индустриальному обществу и государственная пропаганда. Так, для британского социолога Бенедикта Андерсона нация являлась «воображаемым сообществом», мыслительной конструкцией, получившей массовое распространение на базе капитализма и книгопечатания [1]. А с точки зрения Эрика Хобсбаума, наиболее обстоятельно проанализировавшего историю феноменов нации и национализма в XIX – XX веках, нация также была порождением современной эпохи, и в её появлении большую роль сыграла деятельность государства (например, в деле создания единого литературного языка и распространении всеобщего начального образования) [23].

Что же касается вопроса о Гарибальди в теоретических трудах по истории национализма, то некоторые из вышеперечисленных исследователей (например, Э. Хобсбаум и Б. Андерсон) упоминали героя Рисорджименто в контексте истории националистических движений в Европе XIX века [1, с. 108, 177; 23, с. 37, 133], а двухтомная англоязычная «Энциклопедия национализма» прямо называет Гарибальди «итальянским националистом» [26]. Однако в данных работах также не предпринималось никаких попыток рассмотреть взгляды Гарибальди в контексте националистических идей, а вопрос о национализме Гарибальди ограничивался констатацией данного факта.

Итак, обзор историографии по вопросам биографии Гарибальди, итальянского Рисорджименто и истории национализма позволяет утверждать, что в литературе взгляды и деятельность героя объединения Италии уже неоднократно увязывались с итальянской национально-освободительной борьбой и зарождением итальянского ирредентизма. Вместе с этим, исследователями (по крайней мере, отечественными) пока что не предпринималось никаких попыток подробно рассмотреть мировоззрение Гарибальди с точки зрения истории европейского национализма и концепций нации.

Представления Гарибальди о «нации» и «национальном».

Не является секретом тот факт, что на протяжении своего существования в европейских языках слово «нация» претерпело важные изменения в плане своего значения и сопутствующих коннотаций [23, с. 25 – 39] и всегда по-разному понималось как исследователями, так и идеологами национализма [9, с. 9 – 15]. Поэтому прежде, чем приступить к анализу взглядов Гарибальди на национальный вопрос, необходимо выяснить, как сам

герой объединения Италии понимал ключевое для данной проблемы понятие «нация», а также производные от него слова «национальность» и «национальный».

Начнём с того, что в мемуарах Гарибальди «нация» (*nazione*) часто выступает синонимом суверенного государства, что в особенности проявляется тогда, когда автор называет нациями соседей Италии («по части кавалерии мы уступаем всем соседним нациям, которые привыкли попираť наши права») или говорит об Англии и Франции, вмешавшихся в войну в Уругвае, как о двух союзных нациях [4, с. 110 – 112, 143, 175]. Конкретно термином «нация» Гарибальди характеризует такие страны, как Франция, Испания, Уругвай, США и Великобритания [4, с. 205; 27, р. 1, 3, 114, 240, 242], которые с точки зрения XIX века относились, без всякого сомнения, к категории «государств-наций» [22, с. 119]. Кроме этого, в число наций Гарибальди включает поляков [4, с. 161], которые обладали собственной государственностью в недалёком прошлом и с позиции понятийного аппарата того времени имели право называться «нацией» [22, с. 119]. В свою очередь, прилагательным «национальный» (*nazionale*) Гарибальди определяет то, что непосредственно касается нации и её жизненных интересов («национальное дело», «национальный героизм», «национальная катастрофа», «национальная армия», «национальные силы» [4, с. 66, 136, 184, 191, 212, 216, 248, 280, 317, 339]).

Несмотря на то, что Гарибальди множество раз успевает охарактеризовать термином «нация» своих соотечественников [4, с. 71, 107, 147, 154, 159, 191, 234, 240, 251, 256, 312 – 313, 327] и французов [4, с. 110 – 112, 136, 251], а значительная часть его мемуаров посвящена итало-австрийским противоречиям и многочисленным сражениям с австрийскими войсками, он нигде прямо не называет «нацией» Австрийскую империю, что также соответствует общепринятому взгляду той эпохи на характер многонациональной империи Габсбургов [23, с. 63]. Для обозначения австрийцев автор единственный раз [4, с. 234] использует понятие «национальность» (*nazionalità*), которое, в соответствии с терминологией рассматриваемого периода [9, с. 22], понимается скорее в этническом плане, нежели в политическом. Это слово, к примеру, употребляется Гарибальди для обозначения различных народностей, населяющих Австрийскую империю [4, с. 314], а также для характеристики пёстрого этнического и расового состава какой-либо группы людей [4, с. 39, 93, 346]. Например, о своих товарищах по ремеслу корсара в Южной Америке он пишет, что те «были всех национальностей и состояний и различного цвета кожи» [4, с. 39], а волонтёрская армия Гарибальди в франко-прусской войне собрала, по его словам, «представителей многих национальностей» [4, с. 346].

На протяжении всего повествования Гарибальди неоднократно описывает, как нация может действовать, подобно одному человеку, в едином порыве – претерпевать лишения, идти на жертвы [4, с. 97 – 98, 154, 313] и подниматься на борьбу с чужеземным захватчиком [4, с. 146 – 147, 149, 159, 163, 215, 253, 313]. Об уругвайской нации он говорит, что та «выдержала в своей столице девятилетнюю осаду» [4, с. 97], а вся итальянская нация, по оценке Гарибальди, «была полна энтузиазма и готова на жертвы» и «взялась бы за оружие» [4, с. 159, 313]. У каждой нации есть свои уникальные черты (Гарибальди пишет о бесстрашии польской нации [4, с. 161]) и собственная, заранее предначертанная судьба [4, с. 255], а также объективные интересы и «священные права», воспользоваться которыми никто не имеет права помешать [4, с. 97, 191, 313, 317, 327].

Будучи единым общественным организмом, в идеале любая нация обязана подчинять себе личные интересы и разногласия отдельных людей. Так, Гарибальди пишет о том, что нация не должна удовлетворять прихоти своих правителей [4, с. 146], а армии необходимо руководствоваться интересами целой нации, а не одного человека – в противном случае национальная война сводится к «низкому соперничеству клик» в своих узких и корыстных целях [4, с. 97, 136].

Если верить Гарибальди, то понимание индивидом своей принадлежности к той или иной нации приобретается путём воспитания и внушения. Повествуя о своём детстве в Ницце, автор пишет о её жителях, во

многим не осознававшим себя частью итальянского народа: «Внушил ли кто-нибудь им, что нужно быть патриотами, итальянцами, борцами за человеческое достоинство? Сказал ли кто-нибудь нам, юношам, что у нас есть родина, Италия, за свободу и возрождение которой нужно бороться?» [4, с. 17]

Таким образом, Гарибальди придерживался типичного для участников национальных движений середины XIX века взгляда на нацию, как на объективно существующее социальное тело, в идеале совпадающее с единым и независимым национальным государством, а также обладающее собственными характером, судьбой и национальными интересами, которые стоят превыше всего и подчиняют себе личные устремления членов данной нации. При этом, в соответствии с воззрениями той эпохи, не все государства и этнические группы удостоиваются в мемуарах Гарибальди определения «нация» – так, нациями не являются ни Австрийская империя, ни населяющие её национальности, а совокупность населения того или иного региона Италии Гарибальди предпочитает обозначать словом «народ» (*popolo*) [4, с. 156 – 157, 163, 253, 272, 277].

Итальянская нация и вопрос о её существовании в представлении Гарибальди

В итальянской общественно-политической мысли первой половины XIX века получил распространение взгляд на нацию как на форму гражданско-политического союза, создание которого является делом отдалённого будущего [3, с. 371 – 382]. Так, Джузеппе Мадзини, главный идеолог революционно-демократического национализма того периода, рассматривал нацию как качественно новую стадию организации итальянского общества, которая не может существовать без единого государства и которой должен предшествовать длительный подготовительный этап пропаганды национальной идеи среди населения Италии [3, с. 373; 24, с. 95 – 97]. Схожую позицию разделял и основоположник «неогвельфизма» Винченцо Джоберти, для которого нация являлась синонимом грядущего политического единства, и пьемонтский государственный деятель Массимо Д'Адзельо, которому принадлежит знаменитая цитата: «Италия создана, но не созданы итальянцы» [3, с. 377, 392 – 393].

Что же касается самого Гарибальди и его точки зрения в вопросе об итальянской нации, то следует сперва отметить, что его мемуары переполнены многочисленными жалобами на невежество итальянских крестьян (ещё в 1871 году составлявших 64% населения Италии [25, с. 642]) и части горожан, которые не испытывали ни малейшего сочувствия к «национальному делу» и не осознавали себя частью единой нации [4, с. 159, 164, 172, 174, 190 – 191, 196, 220, 226, 238, 255, 309, 313, 317, 332, 336]. Герой объединения Италии неоднократно был вынужден признавать, что «в добровольческих отрядах... всегда отсутствовал крестьянский элемент» и что крестьяне «являются действенным орудием деспотизма и духовенства» [4, с. 172, 255]. Даже о своём родном городе Гарибальди писал, что там «немногие сознавали себя итальянцами», а население было «совершенно безразличным к патриотическому движению» [4, с. 16].

Вместе с этим, вышеназванные факты не мешают «герою двух миров» разделять прямо противоположный взгляд на проблему итальянской нации. Последняя, по его мнению, уже объективно существует в реальности, несмотря на политическую раздробленность Италии, и включает в себя всех её жителей, поголовно испытывающих патриотические чувства и готовых в едином порыве подняться на борьбу с тиранами и чужеземцами – в общем, по словам самого Гарибальди, «сердца двадцати пяти миллионов бьются, трепещущие от любви к отечеству» [4, с. 107, 147, 149, 154, 159, 163, 234, 253, 313]. В этом плане итальянская нация в терминологии Гарибальди выступает, по сути, синонимом «итальянского народа», обладающего теми же качествами [4, с. 200, 215].

Исходя из этого, можно предположить, что подобные эмоциональные замечания о единстве всей нации, принадлежащие герою объединения Италии и находящиеся в явном противоречии с действительностью, восходят к итальянской художественной литературе эпохи романтизма, в которой господствовал взгляд на

итальянскую нацию как на издревле существующую общность с богатой исторической традицией [3, с. 382 – 384]. К тому же, известен тот факт, что подобные произведения вдохновляли патриотически настроенную итальянскую молодёжь и влияли на становление её взглядов не в меньшей степени, чем запрещённые прокламации «Молодой Италии» Мадзини, а литературные опыты самого Гарибальди испытали, по замечанию В.Е. Невлера, прямое влияние популярных исторических романов Мандзони, Д'Адзельо и Гверацци [3, с. 382; 15, с. 424].

Итак, всё вышесказанное позволяет нам говорить о том, что несмотря на значительное влияние идей Мадзини на формирование взглядов Гарибальди, герой Рисорджименто так и не смог воспринять мадзинистскую теорию становления итальянской нации. В отличие от Мадзини, считавшего, что «не существует подлинной нации без единства» [24, с. 95], Гарибальди на эмоциональном уровне рассматривал итальянскую нацию как уже существующую в реальности категорию, которая включает в себя всё население Италии и которой лишь осталось добиться национального объединения. В этой связи некорректным выглядит решение советских переводчиков мемуаров Гарибальди перевести один из его пассажей как «...народ, который любой ценой хочет стать нацией» [4, с. 293], хотя в оригинальном тексте «нация» не упоминается («...popolo che, volendo essere ad ogni costo...» [27, р. 348]).

Приоритет национальной идеи в системе взглядов Гарибальди

Проанализировав взгляды Гарибальди на сущность нации (в том числе итальянской), необходимо теперь определить, какое место занимала национальная идея в общей системе его политических целей и идеологических воззрений.

В предисловии к своим мемуарам Гарибальди делает попытку обобщить свои мировоззренческие принципы и политические идеалы, признавая себя, прежде всего, борцом против тирании и несправедливости, сторонником республиканского строя и непримиримым антиклерикалом [4, с. 11 – 13]. Действительно, чуть ли не в каждой главе своих воспоминаний Гарибальди по любому удобному поводу расписывает предательскую, развращающую и угнетающую роль папства и католического духовенства [4, с. 14, 16 – 18, 32, 35, 70, 78, 90, 107, 113, 142, 150, 159, 164 – 165, 167 – 168, 172 – 175, 177, 184, 186, 190 – 191, 196, 199, 200, 203 – 204, 212, 220, 226, 251, 255, 266 – 267, 285, 295 – 296, 307, 313, 331 – 332, 338, 343], а также неоднократно выражает свои симпатии республиканскому строю [4, с. 65, 174 – 175, 204, 215 – 216, 245]. В своей массе священники для героя Рисорджименто – это «подлинный бич божий», «исчадия ада» и «мошенники, заинтересованные в сохранении невежества и суеверий масс», которые сочувствуют врагам Италии, развращают крестьян и прививают им ненависть к «национальному делу» [4, с. 12 – 13, 164, 168, 174, 190 – 191, 196, 220, 256, 313]. А вот, к примеру, правительство Римской республики 1849 года было для героя Рисорджименто «наиболее законным из всех когда-либо существовавших в Италии» [4, с. 326].

При этом республиканский строй в представлении Гарибальди во многом был тождествен демократии – по его мнению, английскую конституционную монархию вполне можно назвать республиканской [4, с. 11], а Аргентинская республика под властью диктатора-«тирана» Розаса не может считаться таковой – уругвайские войска, воюющие против Аргентины, Гарибальди с целью противопоставления упорно именует «республиканскими» [4, с. 98, 113].

Но вместе с этим, Гарибальди отнюдь не являлся последовательным республиканцем, полагая, что республика – это не единственно возможный строй и что нет никакой необходимости повсеместно его навязывать [4, с. 11, 215 – 216]. Более того, ради успешного ведения борьбы за свободу и единство Италии Гарибальди счёл нужным перейти на службу к сардинскому королю Карлу Альберту только потому, что в 1848 году тот был «военачальником тех, кто сражался за Италию» (даже невзирая на то, что в своё время он собственноручно

приговорил молодого Гарибальди к смертной казни за участие в антиправительственном заговоре), а затем поддержать его сына и преемника Виктора Эммануила II, возложив на него все надежды в деле итальянского объединения [4, с. 152, 215]. «С тех пор как я убедился, что для того, чтобы освободиться от чужеземного ига, Италия должна идти по одной стезе с Виктором Эммануилом, я считал своим долгом подчиниться его приказам, чего бы мне это ни стоило, даже заставив молчать свою республиканскую совесть» [4, с. 245] – эти слова Гарибальди менее всего характеризуют его как последовательного республиканца.

Имея возможность провозгласить республику в Южной Италии после успеха экспедиции «Тысячи» и оказать сопротивлениедвигающимся на юг пьемонтским войскам [19, с. 109 – 111], Гарибальди согласился на присоединение к Пьемонту территории бывшего королевства Обеих Сицилий [4, с. 304 – 305]. С этого момента непреклонные республиканцы-мадзинисты, так и не примирившиеся с правительством даже после объединения Италии, стали постоянно критиковать Гарибальди за его сотрудничество с монархией, а тот, в свою очередь, отвечал им обвинениями во вредительстве и измене «национальному делу». «"Вы должны были провозгласить республику", – кричали и продолжают ныне кричать мадзинисты, точно эти всезнайки, привыкшие диктовать законы всему миру, сидя за письменным столом, лучше знают моральное и экономическое положение нашего народа» [4, с. 305] – так Гарибальди относился к «чистым республиканцам», которые своей «разлагающей пропагандой» и призывами к установлению республики лишь мешали борьбе за объединение итальянского народа [4, с. 151, 305, 325, 334, 337 – 339, 342].

Что же касается фанатичной ненависти Гарибальди к католическому духовенству, то вряд ли можно назвать упорным антиклерикалом человека, в канун революции 1848 года предложившего свою шпагу новому папе римскому Пию IX [11, с. 72], который временно присоединился к движению Рисорджименто и провёл в Папской области ряд либеральных реформ. На это можно было бы возразить, что воинствующий антиклерикализм Гарибальди был плодом дальнейшей эволюции его взглядов, однако множество критических замечаний по отношению к папству и католическому духовенству встречается уже в той части мемуаров, которая была написана сразу после окончания революции 1848 – 1849 годов [4, с. 14, 16 – 18, 32, 35, 70, 78, 90, 107, 113, 142, 150, 159, 164 – 165, 167 – 168, 172 – 175, 177, 184, 186, 190 – 191, 196, 199, 200, 203 – 204], а изобилие этих высказываний и их органичная встроенность в повествование исключают в данном случае мысль о позднейшей редакции первоначального текста.

Таким образом, республиканизм и антиклерикализм занимали важнейшее место в мировоззрении героя итальянского народа, однако эти его убеждения не отличались последовательностью и отнюдь не всегда определяли его поведение и общественную позицию, оставаясь скорее частными убеждениями Гарибальди по вопросу о справедливом устройстве общества, нежели его первостепенными политическими задачами и руководством к действию.

Единственной же политической целью, в которой у Гарибальди, по удачному выражению Г.Б. Сандомирского, «не было никаких “уклонов”» [17, с. 519], являлось стремление к национальному объединению и освобождению Италии, при котором её раздробленность на несколько государств казалась «герою двух миров» неестественным и губительным явлением [4, с. 20 – 21, 71, 152, 200, 215 – 216, 218, 222, 227, 255, 267, 326, 328, 338]. Именно ради этой «единственной цели» и «мечты всей жизни» [4, с. 32, 218] Гарибальди был готов пожертвовать всеми прочими общественно-политическими взглядами («я привык подчинять любые свои принципы цели объединения Италии, каким бы путем это ни происходило» [4, с. 215]) и даже предложить свои услуги папе римскому или Савойской монархии, что также отличало его от непримиримого республиканца Мадзини и его сторонников. Когда тот же Карл Альберт в 1848 году предложил сотрудничество Мадзини, тот, в отличие от Гарибальди, ответил решительным отказом [6, с. 79].

Любопытно отметить, что Гарибальди выступал против любых политических объединений, «не представляющих всю нацию», а партийная борьба внутри страны была для него отрицательным явлением, ибо она вела к расколу нации [4, с. 169 – 170, 251,]. В этом плане показателен также и инцидент при Аспромонте, когда по той же причине Гарибальди отказался стрелять в войска объединённой Италии, посланные для того, чтобы воспрепятствовать его походу на Рим [4, с. 308 – 311].

Данная специфическая черта его политических воззрений, а также всё сказанное нами ранее позволяет утверждать, что идеология Гарибальди вполне может считаться разновидностью национализма. Во-первых, как было видно из предшествующего анализа, Гарибальди признавал итальянскую нацию реально существующей общностью, имеющей свои особые качества. Во-вторых, Гарибальди считал, что итальянская нация должна достигнуть политического суверенитета в рамках единого независимого государства, а политическая раздробленность Италии представлялась ему в резко отрицательном виде. В-третьих, интересы и ценности данной нации (в данном случае – объединение Италии, которое, по мнению Гарибальди, отвечало стремлениям и чаяниям всей итальянской нации) стояли для него выше прочих интересов и ценностей. Это подтверждается приоритетом «национального дела» и единства нации над республиканизмом, антиклерикализмом и любыми партийными разногласиями в системе взглядов героя Рисорджименто – Гарибальди был готов служить Италии «независимо от цвета флага», а форма правления являлась для него несвоевременным и второстепенным вопросом относительно «главной задачи» [4, с. 152, 169].

Все эти черты воззрений Гарибальди на национальный вопрос соответствуют трём критериям национализма, которые признаются большинством исследователей общими для любой националистической идеологии [9, с. 10]. А поскольку для характеристики национально-освободительных движений второй трети XIX века в литературе (Г. Кон, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон, Э. Смит и т.д.) повсеместно применяется термин «национализм», хотя сам он получил широкое распространение лишь в конце XIX столетия [23, с. 163, 168], то нет ничего некорректного в том, чтобы обозначить данным термином совокупность политических взглядов Джузеппе Гарибальди, пусть он сам никогда и не называл себя националистом, идентифицируя себя и своих единомышленников как «патриотов» [4, с. 17, 167, 196, 202 – 203, 235, 242, 253, 265, 275, 287, 307, 335, 338].

Национализм Гарибальди может частично приблизить исследователей к ответу на вопрос, почему его поднимали на щит и объявляли «своим» самые противоположные политические движения, начиная с официальных идеологов Савойской монархии, относившихся к Гарибальди как к верному слуге короля Виктора Эммануила, и заканчивая фашистами Муссолини и всеми партиями левого толка [14]. Как известно, национализм может принимать любые идеологические формы (революционно-демократическую, либеральную, консервативную, реакционную и т.д.) [12, с. 122], чем также в некоторой степени можно объяснить ту пресловутую «непоследовательность» взглядов героя, которая отмечалась советскими исследователями биографии Гарибальди.

Либерально-демократические черты гарибальдийского национализма

Приступая к характеристике националистических взглядов Гарибальди с точки зрения дихотомии гражданского и этнического национализма, необходимо помнить, что оба этих вида национальной идеологии, будучи скорее «идеальными типами», в реальности практически не встречаются в чистом виде. Как заметил британский социолог Энтони Смит, на практике эти типы чаще всего будут сочетаться, и даже самые «гражданские» и «политические» национализмы при внимательном рассмотрении оказываются также «этническими» и «лингвистическими» [20, с. 236 – 237, 385].

Итак, даже при самом поверхностном знакомстве с биографией Гарибальди можно заметить, что, помимо руководства итальянским Рисорджименто, он также участвовал добровольцем в борьбе за независимость

двух южноамериканских республик, а также по собственной инициативе оказал помощь республиканскому правительству Франции в франко-прусской войне, командуя волонтерами, объединёнными в так называемую Вогезскую армию. При этом своё участие в войнах за независимость Риу-Гранде и Уругвая Гарибальди объяснял преданностью «священному делу народов» и долгом в отношении угнетённых [4, с. 59, 175]. Своих соотечественников, погибших в Южной Америке, Гарибальди называл «мучениками за итальянскую свободу», павшими на чужбине за «правое дело» [4, с. 48, 86], и увязывал, таким образом, братскую помощь другим нациям с борьбой за объединение и освобождение Италии.

Что же касается добровольческих отрядов Гарибальди в Италии, то из его мемуаров известно, что в ряды своих «краснорубашечников» он принимал не только итальянцев, но и англичан с немцами, а также множество польских и венгерских эмигрантов [4, с. 161 – 162, 180, 252, 300, 326] – например, одним из ближайших соратников Гарибальди был венгерский офицер Иштван Тюрр, во время знаменитого похода «Тысячи» командовавший целой дивизией [16, с. 443]. Несмотря на свою постоянное участие в войнах, Гарибальди считал себя сторонником мира и солидарности между народами [4, с. 13, 70; 7, с. 468 – 469], включив в своё выступление на Международном конгрессе мира в 1867 году тезис о том, что «все нации – сёстры» [16, с. 450]. На примере отношения Гарибальди к французам видно, что он действительно считал боевые действия против них «братоубийственной войной» [4, с. 186] и винил в возникавших итало-французских противоречиях не французскую нацию, а сторонние враждебные силы («Тьер, Бонапарт, шовинизм») [4, с. 147, 251]. А множество негативных высказываний Гарибальди о «чужеземцах», которые на первый взгляд могли бы показаться шовинистическими и ксенофобскими, относились только к тем иностранцам, которые вмешивались во внутренние дела Италии, участвовали в её угнетении и относились к итальянцам с безосновательным высокомерием [4, с. 17 – 18, 71, 90, 150 – 152, 156, 164, 166, 168 – 169, 173, 186, 189, 191, 203, 215, 226, 230, 245, 263, 279, 285, 296, 326, 332].

Стоит отметить, что космополитизм Гарибальди уживался в его сознании с непримиримой враждебностью по отношению к австрийцам и австрийской монархии [4, с. 26, 162 – 163, 166, 196, 199, 202, 205, 218, 220, 231 – 233, 314]. Наряду со священниками и деспотизмом, он числил австрийцев среди своих антипатий [4, с. 70], и с его точки зрения, все они поголовно являлись исконными врагами Италии [4, с. 215, 313], надменными и кровожадными палачами, на совести которых лежали преследования и убийства итальянских патриотов [4, с. 26, 196, 226]. С точки зрения Гарибальди, пленные австрийцы «страданием и кровью должны были заплатить за драгоценную жизнь ими убитых, Чичеруаккьо, Уго Басси и многих других» [4, с. 226], пусть даже взятые в плен вражеские солдаты не имели никакого отношения к этим преступлениям.

Однако данное противоречие можно объяснить тем, что Австрийская империя, в отличие от англичан, французов, венгров или поляков, не являлась в его представлении свободолюбивой и полноценной европейской нацией (как мы помним, Гарибальди ни разу не определяет Австрию этим термином), а была скорее злой вненациональной деспотической силой вроде католического духовенства или «тирании» неаполитанских Бурбонов.

Таким образом, по своим взглядам на взаимоотношения Италии с другими нациями Гарибальди, как и Мадзини, принадлежал к либерально-демократическому гражданскому национализму эпохи «весны народов», идеалом для которого был союз независимых и равноправных наций, живущих в мире и согласии и помогающих друг другу в борьбе за свободу [12, с. 145 – 147]. Так, к примеру, он ставил в один ряд Венгрию и вновь образованную Венецианскую республику, которые в 1849 году вместе сражались со своим общим врагом – Австрией [4, с. 188]. Рассуждая о проблемах современного общества и национально-освободительной борьбе, Гарибальди неоднократно говорил о «народах» и «нациях» во множественном числе [4, с. 11 – 12, 37, 98, 106,

146, 168, 175, 183, 304, 345] («и так должны поступать все нации, которые предпочитают любые жертвы, лишения, тяготы и опасности унижению покориться чужеземцам» [4, с. 37]), что ещё раз показывает, насколько сильно героя Рисорджименто волновала судьба других народов в контексте их национальных движений, при том что свобода и единство Италии все равно оставались его главными жизненными целями.

Вместе с этим, на основании мемуаров Гарибальди нельзя с полной уверенностью утверждать, что его концепция нации соответствовала гражданскому национализму. Косвенными подтверждениями понимания нации как политического союза граждан отчасти могли бы служить употребление слова «нация» в качестве синонима государства [4, с. 110 – 112, 143, 175, 251], а также замечание Гарибальди о том, что в число «подлинного народа, составляющего нацию» не входят отдельные её предатели [4, с. 99], однако в последнем случае речь шла не об Италии, а о южноамериканском Уругвае.

Вопрос об этническом характере национализма Гарибальди

Признавая отставание итальянцев от других европейских наций и униженное положение современной ему Италии, Гарибальди в своих мемуарах делал также упор на прямую преемственность итальянцев от древних римлян, их былое величие и вытекающий из этого особый «дух итальянцев» [4, с. 71, 203 – 204, 279 – 280, 313], а также ссылаясь в доказательство своих слов на вдохновляющие героические примеры из истории Италии. В их число он включал не только битву при Леньяно, Сицилийскую вечерню и заслуги Данте, Петрарки, Колумба, Макиавелли, Микеланджело и Галилея [4, с. 90, 215, 230, 253 – 254, 256, 258, 263, 279, 331 – 332], но также деятелей и события римской истории [4, с. 168, 175, 215, 230, 266, 269, 296], отождествляя таким образом итальянцев с римлянами. Рим для Гарибальди был неизменным центром и символом Италии, несмотря на господство папства в «вечном городе» [4, с. 18 – 19, 90, 307, 326, 331], а в одном из мест своих мемуаров он прямо писал о древних римлянах и итальянцах как об одном народе [4, с. 215].

Как нам уже известно, Гарибальди рассматривал итальянскую нацию как реальную общность, которая существует даже при отсутствии политического единства и обладает заранее предначертанной судьбой, собственными правами и интересами [4, с. 215, 255, 317, 327] и, как видно из вышесказанного, общим великим прошлым. В отличие от гражданского, «политического» национализма Мадзини, подобное понимание нации можно назвать «природно-родственным» [3, с. 382], при том что вся деятельность Гарибальди как раз и заключалась в консолидации итальянского этноса в рамках одной страны. Более того, объединение всех итальянских государств казалось ему недостаточным, и Гарибальди настаивал на присоединении к Италии Тироля с городом Тренто [4, с. 192, 283] – территории, населённой этническими итальянцами, но входящей в состав австрийской монархии. Те же самые идеи разделяло и итальянское ирредентистское движение, основанное в 1878 году сыном героя Менотти [14] и являвшееся показательным примером этнического национализма [21, с. 362].

Наконец, для полноты картины необходимо добавить, что в своём понимании нации Гарибальди напирал также на эмоциональную привязанность к родной земле. В своих мемуарах он писал, что «итальянца нельзя соблазнить прекрасным климатом чужой страны, и ласки обходительной иностранки не смогут заставить его, подобно сынам севера, навсегда порвать с родиной. Он прозябает, он бродит задумчивый по чужой земле, но никогда не ослабеет у него жажда вновь увидеть свою прекрасную страну и вступить в борьбу за ее освобождение!» [4, с. 173]

Таким образом, все эти характерные черты понимания итальянской нации позволяют отнести национализм Гарибальди к этническому типу, которому как раз присущ акцент на великом объединяющем прошлом, этнической составляющей нации и кровной связи её членов друг с другом и с родиной. Однако это не отменяет того факта, что взгляды Гарибальди на взаимоотношения с другими нациями испытали влияние

революционно-демократического национализма эпохи «весны народов», что даёт право рассматривать гарибальдийский национализм как переходную стадию между гражданским и этническим типами.

Заключение

Итак, всё вышесказанное позволяет нам говорить о том, что Джузеппе Гарибальди, которого обычно принято определять исключительно как демократа, республиканца и революционера, был, прежде всего, итальянским националистом. Помимо того, что он воспринимал свою нацию как реально существующую общность, единство итальянской нации в рамках суверенного государства было главной целью всей его политической деятельности и высшей ценностью в его системе взглядов. При этом воззрения Гарибальди вполне соответствовали националистическому дискурсу второй трети XIX века – так, национализм героя Рисорджименто носил либерально-демократический характер, и в его представлении не все этнические группы и государства могли удостоиваться определения «нация».

Что же касается типологии гарибальдийского национализма, то по своей внутренней сущности он находился на полпути между гражданским национализмом Мадзини и итальянским ирредентизмом более позднего времени, сочетая в себе черты обоих видов. Революционно-демократический в своей основе национализм Гарибальди с идеями мира и солидарности народов свидетельствует о его гражданском характере, а «природно-родственное» понимание итальянской нации, стремление объединить всех этнических итальянцев в рамках одного государства и внимание Гарибальди к историческому прошлому своего народа являются чертами этнического национализма.

Список используемой литературы:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.
2. Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965.
3. Бондарчук В.С. Национальная мысль и национальное сознание в Италии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время: очерки истории. М., 2005. С. 337 – 393.
4. Гарибальди Дж. Мемуары. М., 1966.
5. Грамши А. Избранные произведения. М., 1959. Т. 3.
6. Кирова К.Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805 – 1872). М., 1981.
7. Кирова К.Э. Социально-политические взгляды Дж. Гарибальди // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 455 – 474.
8. Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 27 – 61.
9. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
10. Ленин В.И. Крах II Интернационала // ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 211 – 265.
11. Лурье А.Я. Гарибальди. М., 1957.
12. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М., 2005.
13. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Изд. 2-е. Т. 15, 18, 29, 30, 32, 33.
14. Муромцева О.Н. Жизнь и деятельность Джузеппе Гарибальди: современный взгляд // Новая и новейшая история. 2002. №1. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/GARIBALDI.HTM> (дата обращения: 08.05.2020)
15. Невлер В.Е. Гарибальди и его эпоха // Гарибальди Дж. Мемуары. М., 1966. С. 371 – 426.
16. Невлер В.Е. Комментарии // Гарибальди Дж. Мемуары. М., 1966. С. 427 – 452.
17. Сандомирский Г.Б. Комментарии // Орсини Ф. Воспоминания. М., 1934. С. 495 – 534.
18. Севастьянов А.Н. Идолы конструктивизма // Вопросы национализма. 2012. №10. С. 191 – 233.
19. Сказкин С.Д. Кавур и воссоединение Италии // Историк-марксист. 1935. №5-6. С. 88 – 116.
20. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
21. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011.
22. Хобсбаум Э. Век капитала: 1848 – 1875. Ростов-на-Дону, 1999.
23. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
24. Яхимович З.П. Национальный фактор в интерпретации либералов и демократов Италии и его роль в революционных событиях 1848 - 1849 гг. // Европейские революции 1848 года: «принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 82 – 134.

25. Яхимович З.П., Митрофанов А.А. Италия в XIX веке: Рисорджименто // Всемирная история: в 6 т. М., 2014. Т. 5. С. 642 – 663.
26. Garibaldi, Giuseppe // Encyclopedia of Nationalism. London, 2001. Vol. 2. P. 180 – 181.
27. Garibaldi G. Memorie. Edizione diplomatica dall'autografo definitivo. A cura di Ernesto Nathan. Torino, 1907.